

Надежда Андреевна Дурова

Переписка

Содержание

Переписка	0004
Автобиография Н. Дуровой	0025

Надежда Андреевна Дурова

Переписка

Переписка [1]

Н. А. Дурова — графу Х. А. Ливену [2]

(Февраль 1808 г.).

Сиятельнейший граф! Милостивый государь!

Приехав в полк в феврале, нашел я первый эскадрон в Луцке, которым, за отлучкою князя Щербатова, командует майор Дымчевич; я к нему явился и помещен в его эскадрон. Надеюсь на милостивое позволение вашего сиятельства относиться к вам во всех своих надобностях, осмеливаюсь доложить вашему сиятельству, что я, издержав деньги, полученные при отъезде, на мундир, получил все необразцовое и здесь должен переделывать, и не имею на что купить лошадь и нужные к ней приборы; итак, покорнейше прошу ваше сиятельство помочь мне в том случае, как и при отправлении в полк; но теперь мне довольно половины той суммы.

Я не решился бы беспокоить ваше сиятельство этою пустою просьбою, если б мог надеяться жалованьем исправить что нужно; но жалованья нам скоро не дадут, а первого

мая будет дивизионный командир смотреть полк, и могу получить много неприятностей, если не буду иметь всего, что должен иметь офицер по униформе, и, попросив еще раз прощения у вашего сиятельства в моей докучливости, к которой я принужден необходимостью, остаюсь

вашего сиятельства покорнейший слуга
Александр Александров.

А. В. Дуров — князю П. А. Вяземскому
[3]

23 Генваря 1817 г. Из Сарапула в Петербург.

Милостивый государь, князь Петр Андреевич.

Коли не забыл Дурова, што был в Перми у Обрескова, так помоги ему. Мне сказал Иван Антонович, што вы едете на житье в Петербург, то я туды и катнул к тебе письмо. Ты парень доброй и меня ради бога не забывай, мне и уланам моим помогай.

Я с твоим батюшкой служил вместе, когда он еще был генерал-адъютантом у фельдмаршала Голицына,[4] а у нас во второй армии волонтером на короткое время, а я был

прапорщиком; хотя расстояние велико, но приятно было вспомнить — он тогда был молодец красивой.

Ну, это в сторону. А вот, милой князь, об чем тебе сетуем: когда будешь в Питере, тогда дети мои к тебе явятца и скажут, что они принадлежат старому воину Андрею Дурову и о своих нуждах объявят.

Большой улан[5] живет в Петербурге и за 10 лет службы во всю турецкую и французскую войну, а под Бородиным ранена в ногу, Кутузов князь взял ее к себе на ординарцы и отправил курьером ко мне в Сарапул. Он обнадеживал ее, что когда возвратица опять, отдохнувший дома, — будет просить государя императора о награде ее и успокоить старого отца — тоже 50 лет служащего и по днесь продолжающего службу. Князь Смоленский[6] писал два письма к моему улану, просил его поспешнее приехать, и эти письма целы, но, хотя улан мой и уехал, но смерть своею тяпкою полководца настигла, и она уже не застала его. Хотела взять в наследство супруга его светлейшая княгиня, чтоб исполнить волю опочившего в бозе князя Смоленского. Я пи-

сал к ней, но молчит. Што в таком случае прикажешь делать? И письма она имела в виду Михаила Ларионовича, и Хитров Николай Захарович[7] множество раз уверял меня, и жена его Анна Михайловна, но все тщетно. Не посчастливится ли вам, милой князь? И вторая степень Анны[8] обещана.

Я сие письмо через Ивана Антоновича посылаю, коли не возгордился — то напишете. Я был в гостях у Всеволода Андреевича на заводе его; правда, что живет по-герцогски. Прожил 10 дней во всех удовольствиях — театры, маскарады, балы, концерты, а любезность хозяина все, кажется, превышала. Поел, попил, хорошо покатался на его бегунах, смотрел завод — знатные кони — подарил моему молодому улану[9] аглинскую кобылу, выезженную, и еще звал на именины 11 февраля, но уже не поеду...

Всегда преданный вам Дуров пермской и Сарапулской.

А. С. Пушкин — В. А. Дурову [10]
16 июня 1835 г. Из Петербурга в Елабугу.

Милостивый государь, Василий Андреевич!

Искренне обрадовался я, получая письмо ваше, напомнившее мне старое, любезное знакомство, и спешу вам отвечать. Если автор Записок согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то вероятно я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему.

Поздравляю вас с новым образом жизни; жалею, что из ста способов достать 100 000 рублей ни один еще вами с успехом, кажется, не употреблен. Но деньги дело наживное. Главное, были бы мы живы.

Прощайте — с нетерпением ожидаю ответа.

С глубочайшим почтением и совершен-

ной преданностью,

честь имею быть, милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга А. Пушкин.

На Дворцовой набережной дом Баташева.

Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [11]

5 августа 1835 г. Вятской губернии, Елабуга.

Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый государь Александр Сергеевич! Титулы кажутся мне смешны в сравнении с славным именем вашим. Чтоб не занять напрасно ни времени, ни внимания вашего, спешу сказать, что заставило меня писать к вам: у меня есть несколько листов моих Записок; я желал бы продать их, и предпочтительно вам.

Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественниц, тем более, что происшествие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления. Цену назначьте сами: я в этом деле ничего не разумею и считаю за лучшее ввериться вам самим, вашей честности и опытности.

Много еще хотел бы я сказать о моих За-

писках, но думаю, что вам некогда читать длинных писем.

Итак, упреждаю вас только, что Записки были писаны не для печати и что я, вверяясь уму вашему, отдаю вам их, как они есть, без перемен и без поправок.

Преданный слуга ваш Александров.

Н. А. Дурова — Н. Р. Мамышеву [12]

23 сентября 1835 года.

Милостивый государь Николай Родионович!

Не получая от вас шестой месяц никакого уведомления о моей рукописи, пересланной к вам 4-го апреля этого года, я нашелся вынужденным справиться об этом в Гатчинской почтовой конторе. Не могу ни понять, ни придумать, где она и что с нею сделалось? У меня хочет купить ее Пушкин, Александр Сергеевич. Ежели рукопись у вас, то сделайте милость отошлите к нему в Псковскую губернию в город Остров, в село Тригорское, он теперь там и пробудет до декабря.

Прошу покорнейше, Николай Родионович, отослать ему хоть первую мою рукопись, о которой вы писали мне, что получили; еже-

ли уже вторая пропала;' мне хотелось бы кончить это дело скорее, потому что мне до крайности нужны деньги.

Преданный слуга ваш Александров.

Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [13]

30 сентября 1835 г. Елабуга.

Не знаю, что мне делать, милостивый государь Александр Сергеевич! Еще в апреле послана была рукопись моя, в трех тетрадах, к Мамышеву, в Гатчине. Первые две он получил, но последняя пропала. Я вправе так думать, потому что шестой месяц, как Мамышев ничего не отвечает мне.

При этой последней тетради был и портрет мой, писанный с меня в шестнадцатилетнем возрасте моем и, разумеется, в том виде, в каком мне надобно было быть тогда.

Я пишу Мамышеву, чтоб он отослал к вам мои Записки; но если вы не получили еще их, прошу меня уведомить: я тотчас пришлю вам подлинник их. Примерное несчастье было бы, если бы он пропал.

Адрес прошу делать на собственное мое имя: Александрову в Елабуге.

Искренне почитающий вас Александр

Александров.

**Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [14]
6-го Января 1836 года. Елабуга.**

Милостивый государь Александр Сергеевич! Мамышев давно уже писал мне, что отослал рукопись мою к вам, итак, позвольте мне узнать ваше мнение об ней и то, угодно ли вам взять ее? В случае если она вам ненадобна, прошу вас покорно переслать ее ко мне обратно.

Преданный слуга ваш Александр Александров.

**А. С. Пушкин — Н. А. Дуровой [15]
19 января 1836 г. Из Петербурга в Елабугу.**

Милостивый государь Александр Андреевич!

По последнему письму вашему от 6-го января чрезвычайно меня встревожило. Рукописи вашей я не получил, и вот какую подозреваю на то причину. Уехав в деревню на три месяца, я пробыл в ней только три недели и принужден был наскоро воротиться в Петербург. Вероятно, ваша рукопись послана в Псков. Сделайте милость, не гневайтесь на

меня. Сейчас еду хлопотать; задержки постараюсь вознаградить.

Я было совсем отчаивался получить Записки, столь нетерпеливо мною ожидаемые. Слава богу, что теперь попал на след.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть вашим усерднейшим и покорнейшим слугою.

А. Пушкин.

**Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [16]
17-го февраля 1836 года. Елабуга.**

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Рукопись моя, вояжируя более года, возвратилась, наконец, ко мне; я несколько суеверен, и такая неудача заставляет меня переждать козни злого рока. Летом я приеду сам с моими Записками, чтоб лично отдать их под ваше покровительство; а теперь в замену брат посылает вам мои Записки 12-го года, если вы найдете их стоящими труда, чтоб поправить; они не были присоединены к тем, которые были присланы вам из Гатчино; может быть, я сужу пристрастно, может быть, я увлекаюсь воспоминаниями, но Записки 12-

го года мне кажутся интереснее первых.

С истинным почтением честь имею быть
вашим покорнейшим слугою

Александр Александров.

А. С. Пушкин — В. А. Дурову [17]

17 и 27 марта 1836 г. Из Петербурга в Ела-
бугу.

Милостивый государь Василий Андре-
евич!

Очень благодарю вас за присылку Запи-
сок и за доверенность, вами мне оказанную.
Вот мои предположения: I) Я издаю журнал:
во второй книжке оного (то есть в июле меся-
це) напечатаю я Записки о 12 годе (все или
часть их) и тотчас перешлю вам деньги по
200 р. за лист печатный. II) Дождавшись дру-
гих записок брата вашего, я думаю соединить
с ними и Записки о 12 годе; таким образом
книжка будет толще и, следовательно, доро-
же.

Полные Записки, вероятно, пойдут
успешно после того, как я о них протрублю в
своем журнале. Я готов их и купить, и напеча-
тать в пользу автора — как ему будет угодно
и выгоднее. Во всяком случае будьте уверены,

что приложу все возможное старание об успехе общего дела.

Братец ваш пишет, что летом будет в Петербурге. Ожидаю его с нетерпением. Прощайте, будьте счастливы и дай бог вам разбогатеть с легкой ручки храброго Александра, которую ручку прошу за меня поцеловать.

Весь ваш А. Пушкин.

Сейчас прочел переписанные Записки: прелесть, живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен.

27 марта.

Адрес: Его высокоблагородию М. Г. Василию Андреевичу Дурову в Елабуге.

**Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [18]
7 июня 1836 г. Петербург.**

Имя, которым вы назвали меня, милостивый государь Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! Нет ли средства помочь этому горю? Записки, хоть и напечатаны, но в свет не вышли, публика ничего об них не знает, и так нельзя ли сделать таким образом: присоедините их к тем, что сегодня взяли у меня, издайте все вместе от себя и назовите: «Своеручные записки русской

амазонки, известной под именем Александрова». Что получите за эту книгу, разделите со мною пополам, за вычетом того, что употребите на печатание. Таким образом вы не потерпите ничего чрез уничтожение тех листов, где вы называете меня именем, от которого я вздрагиваю, как только вздумаю, что двадцать тысяч уст его прочитают и назовут.

Угодно ли вам мое предложение? Не опечаливайте меня отказом. Когда покажете царю мои Записки, скажите ему просто, что я продаю их вам, но что меня самого здесь нет; непостижимый страх овладевает мною при мысли о нашем государе! Может быть, он и напрасен, но я не могу управиться с каким-то неприятным предчувствием.

В ожидании ответа вашего остаюсь истинно почитающий вас Александров.

А. С. Пушкин — Н. А. Дуровой [19]
Около 10 июня 1836 г. Петербург.

Вот начало ваших Записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание.

Мнение мое, искреннее и беспристраст-

ное, — оставить как есть.

«Записки амазонки» — как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. «Записки Н. А. Дуровой» — просто, искренне и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое вас прославило. Полумеры никуда не годятся.

Весь ваш А. П.

Дом мой к вашим услугам. На Дворцовой набережной, дом Баташева у Прачечного моста.

**Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [20]
24 июня 1836 г. Петербург.**

Видеться нам, как замечая, очень затруднительно: я не имею средств, вы — времени. Итак, будемте писать; это все равно, тот же разговор. Своеручные записки мои прошу вас возвратить мне теперь же, если можно: у меня переписут их в четыре дня, и переписанные отдам в полную вашу волю, в рассуждении перемен, которые прошу вас делать, не спрашивая моего согласия, потому что я только это и имел в виду, чтоб отдать их на суд и под покровительство таланту, которому не

знаю равного, а без этого неодолимого желания привлечь на свои Записки сияние вашего имени, я давно бы нашел людей, которые купили бы их или напечатали в мою пользу.

Вы очень обязательно пишете, что ожидаете моих приказаний; вот моя покорнейшая просьба, первая, последняя и единственная: действуйте без отлагательства. Что удерживает вас показать мои Записки государю, как они есть? Он ваш цензор. Вы скажете, что его дома нет, он на маневрах![21] Поезжайте туда, там он, верно, в хорошем расположении духа, и Записки мои его не рассердят. Действуйте или дайте мне волю действовать; я не имею времени ждать. Полумеры никуда не годятся! Нерешительность хуже полумер; медленность хуже и того и другого вместе! Это — червь, подтачивающий корни прекраснейших растений и отнимающий у них возможность принести плод!

У вас есть враги; для чего же вы даете им время помешать вашему делу и вместе с тем лишить меня ожидаемых выгод? Думал ли я когда-нибудь, что буду говорить такую проповедь величайшему гению нашего времени,

привыкшему принимать одну только дань хвалы и удивления!

Видно, время чудес опять настало, Александр Сергеевич! Но, как я уже начал писать в этом тоне, так хочу и кончить; вы и друг ваш Плетнев сказали мне, что книгопродавцы задерживают вырученные деньги. Этого я более всего на свете не люблю! Это будет меня сердить и портить мою кровь; чтоб избежать такого несчастья, я решительно отказываюсь от них; нельзя ли и печатать и продавать в императорской типографии? Там, я думаю, не задержат моих денег?

Мне так наскучила бездейственная жизнь и бесполезное ожидание, что я только до 1-го июля обещаю вам терпение, но с 7-го, пришлете или не пришлете мне мои Записки, действую сам.

Александр Сергеевич! Если в этом письме найдутся выражения, которые вам не понравятся, вспомните, что я родился, вырос и возмужал в лагере: другого извинения не имею.

Простите, жду ответа и рукописи.

Вам преданный Александров.

А. С. Пушкин — Н. А. Дуровой [22]

Около (не ранее) 25 июня 1836 г. Из Петербурга в Елабугу.

Очень вас благодарю за ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток вашего пылкого и нетерпеливого характера. Буду отвечать вам по пунктам, как говорят подьячие.

1. Записки ваши еще переписываются. Я должен был их отдать только такому человеку, в котором мог быть уверен. Оттого дело и замешкалось.

2. Государю угодно было быть моим цензором: это правда; но я не имею права подвергать его рассмотрению произведения чужие. Вы, конечно, будете исключением, но для сего нужен предлог, и о том-то и хотелось мне с вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дела.

3. Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вам еще чуждое.хлопоты сочинителя вам непонятны. Издать книгу нельзя в одну неделю; на то требуется по крайней мере месяца два. Должно рукопись переписать, представить в цензуру, обратиться в типографию и проч., и проч.

4. Вы пишете мне: действуйте или дайте мне действовать. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны. Моя цель — доставить вам как можно более выгод и не оставить вас в жертву корыстолюбивым и неисправным книгопродавцам.

5. Ехать к государю на маневры мне невозможно по многим причинам. Я даже думал обратиться к нему в крайнем случае, если цензура не пропустит ваших Записок. Это объясню я вам, когда буду иметь счастье вас увидеть лично.

Остальные 500 рублей буду иметь вам честь доставить к 1-му июля. У меня обыкновенно (как и у всех журналистов) платеж производится только по появлении в свет купленной статьи.

Я знаю человека, который охотно купил бы ваши Записки; но, вероятно, его условия будут выгоднее для него, чем для вас. Во всяком случае, продадите ли вы их или будете печатать от себя, все хлопоты издания, корректуры и проч. извольте возложить на меня.

Будьте уверены в моей преданности и ради бога не спешите осуждать мое усердие.

С глубочайшим почтением и преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

Р. S. На днях выйдет 2-й No Современника. Тогда я буду свободнее и при деньгах.

Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [23]
31 июля 1836 г. Петербург.

Пришлите мне мои листочки, Александр Сергеевич! Их надобно сжечь, так я желал бы иметь это удовольствие поскорее.

Я виделся с князем Дундуковым, но рукописи ему еще не отдал; им обоим, я думаю, не до того, у Петра Александровича[24] жена при смерти.

Позвольте ли вы мне поместить проданный вам отрывок во вторую часть?

Ваш покорнейший слуга Александров.

Н. А. Дурова — А. С. Пушкину [25]
22 декабря 1836 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Имею честь представить вам вторую

часть моих Записок. Извините, что не сам лично вручаю вам их, но я давно уже очень болен, и болен жестоко. Дела мои приняли оборот самый дурной; я было понадеялся на милость царскую, потому что ему представили мою книгу; но, кажется, понадеялся напрасно: вряд ли скажут мне и спасибо, не только чтоб сделать какую существенную пользу.

Простите, будьте счастливы.

Преданнейший слуга ваш Александр Александров.

**Н. А. Дурова — В. Н. Мамышеву [26]
21 ноября 1861 г. Елабуга.**

Милостивый государь Всеволод Николаевич!

Очень приятно мне, что вы напомнили о знакомстве моем с вашим родителем, человеком достойным всякого уважения как по качествам ума и сердца, так и по могучему таланту писателя. С удовольствием вспомнил я то время, которое провел у него на Боткинском заводе, где он служил тогда.

Что касается до желания вашего видеть имя мое в ряду Георгиевских кавалеров, то хо-

тя оно и польстило моему самолюбию, но не знаю — буду ль я иметь право на это отличие: орден мой 5-й степени, и я не знаю, дает ли он право на название кавалера офицеру.

О биографии моей вы можете выправиться в моих Записках. В них подробно описана вся жизнь моя с самого рождения. Книги эти вы можете достать в императорской библиотеке, более нет уже их нигде. Их три: первые две под названием «Девушка-кавалерист», а третья просто Записки Александрова. В истине всего там написанного я удостоверяю честным словом и надеюсь, что вы не будете верить всем толкам и суждениям, делаемым и вкривь и вкось людьми-сплетниками.

В Записках моих есть много собственных имен людей, достойных уважения, которые выставлены при не совсем приятных обстоятельствах. Я бы желал, чтоб имена эти были заменены просто начальными буквами или даже звездочками.

Засим свидетельствую вам мое искреннее уважение и остаюсь преданный слуга ваш

Александров (Н. Дурова).

Автобиография Н. Дуровой

Родился я в 1788-м году, в сентябре. Которого именно числа, не знаю. У отца моего нигде этого не записано.

Да, кажется, нет в этом и надобности. Можете назначить день, какой вам угодно. На 17-м году от роду я оставил дом отцовский и ушел в службу. Подробности этого события и дальнейший ход происшествий, последовавших за вступлением в Коннопольцы, описан в Записках, изданных под названием: «Девушка-Кавалерист» в двух частях и еще в третьей под названием «Записки Александра». Вы можете извлечь из них все, что будет прилично по вашему усмотрению. В 1816 году я, по желанию отца, вышел в отставку, хотя с большим нехотением оставлял блестящую карьеру свою.

Заменив уланский колет фракком, я едва не пришел в отчаяние, когда первой часовой, мимо которого я прошел, не стал во строю и не взял на плечо, как следовало при виде офицера. Не принимая в соображение того, что воинские почести отдаются мундиру, а не

званию и что фельдмаршал в партикулярном платье может проходить мимо всех возможных постов военных, не обращая на себя никакого внимания, я не мог выносить такого совершенного отчуждения от главного элемента жизни моей. Постоянная грусть глубоко лежала в душе моей, я не выдержал и через год уехал к отцу, в провинцию, где он служил городничим.

Там дни мои потекли мирно и единообразно, с утра до вечера я или ездил верхом или ходил пешком по нашим картинным местам, исполненным диких красот северной природы. Такая усиленная деятельность несколько не вредила мне, напротив, была даже благодетельна, потому что, вставая в три часа утра, седлая сам свою лошадь, летая на ней по горам, долам и лесам или пешком взбираясь на крутизны, спускаясь в овраги, купаясь в реках и речках, я не имел времени обращаться мыслями к минувшему (увы! горе мне!), навсегда минувшему.

Так прошел год. Я опять уехал в Петербург. Общество провинциальное показалось мне нестерпимо скучным. В Петербурге посе-

лился я у дяди своего, Дурова, который был некогда инспектором при карантине в Симферополе, за какой-то недосмотр попал под суд и по делу своему должен был жить в Петербурге. По прежним связям он имел обширное и знатное знакомство, через него и я познакомился со многими из его или сослуживцев или благодетелей, потому что дядя был беден и имел необходимость в пособии старых знакомых.

Меня очень ласково примали в доме князя Салтыкова, известного своими музыкальными вечерами. Слепой князь очень любил меня, а я бывал у него почти каждый день. Также много удовольствия находил я в доме князя Дундукова-Корсакова, у которого собиралось всегда отлично образованное общество, и тоже занимались музыкою. Познакомился было и я с княгинею Смоленскою, Кутузовою, женою нашего бывшего фельдмаршала, но знакомство это прекратилось довольно оригинальным образом: один раз я пришел к княгине часов в семь вечера и пробыл у нее до 10-ти. Когда я хотел проститься с нею, кто-то сказал, что идет ливной дождь. «Как же ты

пойдешь?» — спрашивает меня княгиня. «Ничего, дойду, я привык».

До самой квартиры дяди моего, на Сенной площади, дождь щедро обливал меня с головы до ног — но мне было не до него. Негодование кипело в душе моей: как! — думал я, — проклятая старуха имела дух спрашивать меня, как я пойду в такой дождь? Тогда как у нее полные каретники экипажей, а конюшни — лошадей! С тех пор я уже никогда не был у нее. Она, впрочем, продолжала оказывать мне внимание: первая кланялась в театре и, встретясь как-то со мною на Дворцовой набережной, очень обязательно спрашивала: «Что так долго не был у меня? Стыдно забывать жену бывшего начальника». Я отвечал холодно-вежливо, что не имел времени. Поспешил раскланяться и более уже не видал ее никогда.

До издания Записок моих существование мое считалось от многих мифом, а другие полагали, что я не выдержал трудной кампании 12-го года и умер. В последнем уверял меня очень серьезно важной и сановитой господин, сидевший рядом со мной в филармони-

ческой зале, где давали концерт. Мы сидели внизу эстрады, на которой играл оркестр, прямо против нас в последнем ряду сидела дама, в розовом платье, смуглая, сухощавая и уже не первой молодости. Я спросил своего соседа, кто она. «Храповицкая, — отвечал он, — жена генерала, который стоит у ее стула». «Говорят, она присутствовала при сражении, где находился муж ее?» — «О, да! — с восторгом воскликнул мой собеседник. — Таких штук у нас не много!» — «Я, однако же, слышал...» — начал было я. Сосед не дал договорить: «Да, появилась было да не выдержала — умерла».

Странно было мне это слышать, однако же я промолчал и очень покойно позволил считать себя умершим. Досадно было мне любопытство, с которым смотрели на меня встречающиеся на гуляньях в саду, по Невскому или в других публичных местах, потому что хотя существование мое и отвергалось многими, истина должна же была по временам оказываться, тем более что у меня были в Петербурге родные: дядя Дуров и двоюродный брат штабс-капитан Бутовский, известный тогда переводом Крестовых походов. У последнего я

жил и был знаком с целым кругом его общества.

Прожив около трех лет в Петербурге, я уехал в Полтавскую губернию в Пирятин, к дяде, помещику Александровичу, но от него скоро переселился к тетке, вдове Значко-Яворской, жившей близ Лубен — города, известного своей аптекой и съездом в мае для питья соков из трав.

Целый год провел я у моей доброй тетки в теплой, ароматической атмосфере Малороссии. Я поздоровел, повеселел и загорел как цыган, что очень сердило тетку и смешило меня. «Да ведь я солдат, тетенька! Что значит для меня загар?» — «От се! что значить загар! Та вже ж вы не мужик простой, паныч!» Счастливо и покойно прожил я этот год у моей незабвенной тетки. Но в начале другого года пребывания моего в Малороссии получил я письмо от отца. Он приказывал мне привезти к нему мою сестру, только что вышедшую из Екатерининского института, где она воспитывалась.

Возвратясь в свою провинцию, я оставался в доме отцовском с 1822-го года по 26-й. В

течение этого времени отец умер, а брат, занимавший его место городничего, был переведен в этом же звании в Елабугу, куда переехал и я с ним и его семейством. Здесь жил я до 1835-го года. От нечего делать вздумалось мне пересмотреть и прочитывать разные лоскутки моих Записок, уцелевшие от различных переворотов не всегда покойной жизни. Это занятие, воскресившее и в памяти и в душе моей бывшее, дало мне мысль собрать эти лоскутки и составить из них что-нибудь целое, напечатать. Я занялся этим делом прилежно, в несколько месяцев кончил и, списавшись предварительно с Пушкиным, уехал в Петербург в 1836-м году.

Александр Сергеевич принял меня очень радушно, прочитал мои Записки и на просьбу мою поправить их отвечал, что поправлять нечего и что он предлагает мне свое содействие во всем, что будет необходимо при издании Записок. Все было бы хорошо, если б я, на беду свою, не отыскал двоюродного брата своего Бутовского. Он все дело испортил. У него был какой-то особый взгляд на вещи, следуя которому он принялся распоряжаться

всем, что касалось до издания Записок, по-своему.

Горе овладевает мною даже теперь, при воспоминании, что лучшее дело мое в жизни было им втоптанно в грязь. На Записки мои еще прежде появления их в свет напала толпа порицателей и клеветников. Чего никогда не случилось бы, если б издателем их не был сумасброд. А тут же Плетнев, искренний друг Пушкина, сказал мне: «Вы напрасно хотите поручить издание ваших Записок Александру Сергеевичу, ему с своими делами трудно справиться; он по вежливости возьмется, но это будет ему в тягость».

Так соединилось все, чтоб испортить и затруднить путь мой на литературном поприще, на которое вступил я с такою неопытностью и под таким жалким руководством. Сначала, однако ж, Записки наделали много шума, кроме того, что происшествие было недюжинное, оно имело достоинство истины, подтвержденной многими и очевидцами и сослуживцами моими. Но вскоре, однако ж, все, что интересовалось мною, охладело ко мне вдруг.

Долго недоумевал я и терялся в догадках о причине такой странности, наконец, оскорбленный до глубины души незаслуженною переменою, я написал мой «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». Небольшая книжка эта образумила легковверных, и хотя не назвал никого, но описал их так верно и в таком виде, что они всеми силами старались не узнать себя и, чтоб успеть в этом, обратились снова ко мне с изъявлением ласки и доброжелательства.

Но между тем мне надобно было чем жить. Записки мои, так дурно направленные, принесли мне пользу ничтожную, о втором издании нечего было и думать, первого оставалось еще более 1000. Я стал писать повести, описывать то легенды, то поверья, то кой-что из рассказов жителей того места, где квартировал, быв еще в службе. Один из этих рассказов, под названием «Павильон», доставил мне знакомство с издателем и редактором «Отечественных записок», журнала, только что начавшего выходить тогда. Я поехал с моим «Павильоном» к Андрею Александровичу Краевскому, прося его купить у меня эту по-

весть, дать мне вот такую-то цену за нее, тотчас же, всю сполна и, сверх того, взять меня в сотрудники. Приступ странный и просьба дикая, но Андрей Александрович принял все это ласково-вежливо, согласился на все и сказал только, что ему необходимо прочитать статью.

Дней через пять он написал мне, что «Павильон» хорош, и отдал мне деньги, как я желал, все вдруг. Бескорыстие и правота молодого журналиста мне очень понравились, и я остался его добрым знакомым на все время пребывания в Петербурге. Наконец «Записки» напечатались. Насилу мог я взять их от издателя и долго пролежали бы они на столе моем, если б, к счастью, благородный Смирдин не взял их у меня все, то есть 700 экземпляров, оставшихся от первоначальной распродажи. Это обстоятельство дало мне возможность уехать домой. В 41-м году я сказал вечное прости Петербургу и с того времени живу безвыездно в своей пещере — Елабуге.

Вот все, что я мог припомнить и написать. Посылаю как есть, со всеми недостатками, то есть: помарками и бесчисленными ор-

фотографическими ошибками. Было у меня много писем и записок от Пушкина и два письма от Жуковского, но я имел глупость раздарить их.

Примечания

Эпистолярное наследство Н. А. Дуровой дошло до нас в немногочисленном и разрозненном виде. Основную ценность его составляют письма к А. С. Пушкину, проясняющие историю опубликования «Записок кавалерист-девицы». Собранный переписка в целом является дополнением к мемуарным произведениям писательницы, помогая уяснению ее личности. Тексты писем сверены с сохранившимися подлинниками. Письма А. С. Пушкина печатаются по академическому изданию его сочинений.

[^^^]

Впервые напечатано в газете «Голос» 1863 г.
от 30 декабря. № 346.

[^^^]

Письмо отца Н. А. Дуровой — Андрея Васильевича Дурова — поэту, другу А. С. Пушкина, князю Петру Андреевичу Вяземскому (1792–1878) хранится в Остафьевском архиве Вяземских. Публикуется впервые, по автографу Центр, гос. архива литературы и искусства (ф. 195, оп. 1, № 1873), с сохранением орфографии.

[^^^]

Фельдмаршал Голицын А. М. (1718–1783) — князь, русский полководец екатерининского времени.

[^^^]

5

Так А. В. Дуров называл дочь Надежду, служившую в Литовском уланском полку.

[^^^]

Письма М. И. Кутузова к Н. А. Дуровой не найдены.

[^^^]

Хитрое Н. З. - зять М. И. Кутузова, живший в Вятке; о нем упоминает Дурова в своих «Записках».

[^^^]

8

Вторая степень Анны — орден св. Анны 2-й степени, носившийся на шее.

[^^^]

Так А. В. Дуров называет сына Василия.

[^^^]

Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР., М., 1949, т. 16, № 1072.

Блестящий литературный портрет В. А. Дурова оставил А. С. Пушкин: «Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 году, возвращаясь из Арзрума... Дуров помещан был на одном пункте — ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей... Недавно получил я от него письмо. Он пишет: история моя коротка, я женился, а денег все нет» (А. С. Пушкин, Собр. соч., изд. АН СССР, М., 1949, т. XII, с. 167–168).

В книге И. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина», ГИХЛ, М., 1958, изд. 2, указывается, что страницы, посвященные Пушкиным Дурову, заслуживают глубокого изучения как образцы, в которых проявилось гениальное реалистическое мастерство Пушкина-портретиста.

[^^^]

Автограф в Институте русской литературы АН СССР (быв. Пушкинский дом). Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, № 1084.

[^^^]

Мамышев Н. Р. (1777–1840) — писатель. Автограф Гос. публичной библиотеки РСФСР им. Салтыкова-Щедрина (собрание автографов). На первой странице приписка рукою Мамышева: «10 октября 1835 отослана рукопись к Пушкину». Впервые напечатано в Отчете имп. публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, с. 195. Печатается по автографу ГПБ.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР. Печатается по изданию: А. С. Пушкин, Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, с. 52, № 1097.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, с. 71, № 1118.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР. Печатается по автографу.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, с. 87, № 1140.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, с. 99, № 1165.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР (фонд 244, оп. 2, № 1). Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, с. 125, № 1209.

[^^^]

Автограф Гос. архива федерально-крепостнической эпохи (Портфель Бюлера, № 146). Впервые напечатано в Русском архиве 1872 г., с. 199–203. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, № 1210.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, с. 128–129, № 1219.

[^^^]

В 1836 г. проводились большие кавалерийские маневры под Елизаветградом.

[^^^]

Впервые опубликовано Л. Н. Майковым в Пушкинском сборнике. СПб., 1899, с. V–VI. Местонахождение подлинника неизвестно. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, № 1220.

[^^^]

Автограф ИРЛИ (ПД) АН СССР. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч...изд. АН СССР, т. 16, с. 145, № 1237.

[^^^]

Плетнев.

[^^^]

Автограф ИРЛИ. Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Собр. соч., изд. АН СССР, т. 16, с. 202, № 1314.

[^^^]

Мамышев В. Н. (1823–1891) — сын Н. Р. Мамышева (см. примечание к письму Н. А. Дуровой Н. Р. Малышеву, с. 392), редактор-издатель «Русской патриотической библиотеки» обращался к Дуровой с просьбой дать автобиографию для его издания «Георгиевские кавалеры». Автограф Гос. публичной библиотеки РСФСР им. Салтыкова-Щедрина. Печатается по автографу ГПБ.

Просьба Дуровой о замене собственных имен в «Записках» начальными буквами или звездочками была выполнена.

[^^^]